

ИСТОРИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

РЯЖСКАГО

ДИМИТРІЕВА МОНАСТЫРЯ.

И. А. Елксѣва.

СКОПИНЪ.

Печатано въ Типографіи А. П. Яцко.

1869.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жалокъ удѣлъ писателя. Съ какимъ бы рвеніемъ, съ какою бы неодолимою жаждой ни принялся онъ за дѣло историческаго труда, недостатокъ матеріаловъ и скудость фактическихъ указаній на неоспоримыя событія минувшихъ вѣковъ, невольно охладятъ его силы, какъ бы они нирвались къ задуманной цѣли. Все это испыталъ я на себѣ. Въ скопинскомъ уѣздѣ и въ самомъ городѣ Скопинѣ есть много древнихъ храмовъ, гдѣ имѣются старинныя сосуды, книги и рукописи; но, сокрытыя отъ глазъ археолога, онѣ остаются въ безгласности, и едва ли скоро настанетъ очередь для ихъ критической обработки. А между тѣмъ, самые эти памятники старины могли бы дополнить пробѣлы исторіи скопинскаго края и тѣмъ исправить рѣзкія ошибки, вкравшіяся въ многихъ авторовъ въ описаніяхъ не только скопинской мѣстности, но и многихъ городовъ и уѣздовъ рязанской губерніи. Вотъ примѣръ: до Императрицы Екатерины II, Скопинъ именуется селомъ Дворцовой—конюшенной канцеляріи, (*) тогда какъ изъ случайно найденныхъ мною бумагъ этой самой канцеляріи, (**) видно, что Скопинъ

(*) См. Стат. Рязан. Губ. Барановича и Город поселенія Россійской Имперіи.

(**) См. Ист., Стат. Современное значеніе г. Скопина

былъ городомъ при Петрѣ I, что самое подтверждается и суднымъ дѣломъ о принадлежавшей Дмитріевскому монастырю Шалиной полянѣ, о которой будетъ сказано послѣ.

Намѣреваясь быть въ Дмитріевомъ монастырѣ, и никакъ не думалъ взяться за его описаніе, не думалъ потому, что не предполагалъ найти въ немъ письменныхъ сказаній ни объ его происхожденіи, ни объ его исторической жизни. Главное, что только влекло меня туда—это: костью *Иересонта*. Мнѣ хотѣлось видѣть его своими глазами и, если возможно, узнать: по какому случаю онъ сдѣлался монастырскимъ достояніемъ.

Я выѣхалъ изъ Скопина 3 Августа 1868 года. Погода стояла великолѣпная. Черезъ 15 минутъ мы начали подыматься на небольшую гору, и вскорѣ намъ открылся скопинскій Троицкій монастырь. Начало этого монастыря приписываютъ къ первымъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича, а мѣсто, на которомъ онъ построенъ, нѣкогда принадлежало боярину Никитѣ Ивановичу Романову.

Отъ Троицкаго монастыря путь нашъ лежалъ около городка, знаменитаго, въ свое время, разбойническимъ притономъ. Частый, почти непроходимый орѣшникъ окружалъ насъ со всѣхъ сторонъ; даль заслонена была высокимъ дубовымъ лѣсомъ, изъ—за котораго, чрезъ полчаса времени, мало по малу, началъ показываться Дмитріевъ монастырь. Подѣхавъ къ его оградѣ, мы оставили экипажъ и вошли въ гостиницу. Послушникъ сталъ суетиться около самовара. Узнавъ, что строитель монастыря

дома, я посиѣшилъ въ его келью, и, когда ему сказали о моемъ приходѣ, онъ тогда же вышелъ ко мнѣ, прося извиненія въ бѣдной обстановкѣ своего жилища. Послѣ краткой бесѣды о неважныхъ предметахъ, я намекнулъ от. Леониду (такъ зовутъ строителя) о своемъ желаніи посмотрѣть костья Пересвѣта. „Увидите, все увидите—отвѣчалъ онъ. Вы, разумѣется, здѣсь переночуете. Хотите, келья моя къ вашимъ услугамъ. Завтра кстати воскресный день: обѣдню отслушаете“.

Я благодарилъ от. Леонида, но отъ ночлега въ келью отказался. Послѣ этого разговоръ зашелъ о древности монастыря. „Древность его большею частию объясняется преданіями говорилъ от. строитель; впрочемъ, у меня хранится нѣсколько старыхъ монастырскихъ бумагъ, но о чемъ они повѣствуютъ, право не знаю; вѣдь я здѣсь недавно: прочесть не успѣлъ, да къ тому же и глаза плохи“.

Разумѣется, я обрадовался, услыхавъ о старыхъ бумагахъ, и тутъ же началъ просить ихъ у от. Леонида. „А вотъ соберу все вмѣстѣ, да и вручу ихъ вашему любопытству“ сказалъ онъ. Имѣйте только терпѣніе: письмо неразборчивое, крючковатое: точно воробей прыгалъ грязными лапами по бумагѣ“.

Вскорѣ мы разстались. Наступилъ вечеръ. От. строитель былъ такъ добръ, что приполъ самъ комнѣ въ гостиницу съ довольно объемистымъ сверткомъ пожелтѣвшихъ отъ времени бумагъ, и, подавая ихъ мнѣ, съ кроткою улыбкою сказалъ: „къ вашимъ услугамъ. Болѣе отъ меня ничего не ждите.“

Было два часа утра, когда я оторвался отъ

чтенія этихъ бумагъ. Онѣ показались мнѣ настолько интересными; что я рѣшился по нимъ сдѣлать небольшое описаніе Дмитріева монастыря. Описаніе это было бы гораздо полнѣе, если бы въ монастырѣ сохранились старинныя выписи, отосланныя въ 1764 году, въ духовную Консисторію преосвященнаго Палладія, епископа Рязанскаго и Муромскаго; теперь въ монастырѣ сохраняется одна только опись тѣмъ выписямъ, съ обозначеніемъ, къ какимъ годамъ онѣ относятся, и на сколькихъ столбцахъ была каждая изъ нихъ.

И такъ, прошу читателей не винить меня за неполноту описанія Дмитріева монастыря; описывая его, я воспользовался лишь тѣми данными, какія у меня были подъ рукою.

РЯЖСКИЙ ДМИТРИЕВЪ МОНАСТЫРЬ.

Въ семи верстахъ отъ города Скопина, на лѣвой сторонѣ рѣки Верды, обращаетъ на себя особенное вниманіе гора, называемая Дмитріевскою. Высота этой горы, отъ уровня Верды, простирается до восьмидесяти сажень, и потому видъ съ нея на всю юго—западную сторону исполненъ самыхъ разнообразныхъ поэтическихъ красотъ. Безконечная зелень, луговъ, села съ своими храмами, деревни, лѣса, холмы, мельницы—все это могло бы служить великолѣпною картиною для полотна художника. Окружность самой горы можно опредѣлить тремя верстами. На западномъ ея склонѣ лежатъ огромныхъ размѣровъ красноватые камни, обнаруженные изъ земли, какъ надо предполагать, вслѣдствіе дождевыхъ и весеннихъ потоковъ. Точно такіе же камни, лишь въ меньшемъ объемѣ, разбросаны по берегу Верды, которая здѣсь протекаетъ развѣтвленная на множество рукавовъ, подъ густою тѣнью красивыхъ ветель. Не смотря на то, что ширина Верды простирается въ самыхъ видныхъ мѣстахъ не болѣе какъ на 22-ть саж., глубина этой сравнительно рѣки едва ли не поспоритъ съ самой Окою. Иноки рассказы-

вали мнѣ, что одинъ крестьянинъ, купаясь лѣтнею порою въ Вердѣ, утонулъ. Несчастнаго долго искали, но немогли найти, потому что ни шести, ни неводъ, не достигали дна. Попробовали опустить съ навязанною гирей конатъ, мѣрою въ 50 арш., но и эта попытка оказалась безуспѣшною: Верда не дала измѣрить своей глубины. Утопленникъ черезъ 24 часа, выплылъ самъ. Въ Вердѣ находится много рыбы: исключая окуней, шересперовъ и щукъ, главными обитателями ея почитаются сомы и карпи. Ловятъ ихъ большою частію удочками, лѣса которыхъ сплетаются отъ 50 до 100 конскихъ волосъ; приманкою служатъ или мягкій полинявшій ракъ, или вынутая изъ своей брони ракуша, или язь и т. п. мелкія рыбы. Бывали примѣры, что сомы и карпи попадались около пуда, бывали и такіе случаи, что пойманный сомъ, или карпъ, несмотря на все искусство охотника утомлять рыбу, перешибали хвостомъ лѣсу, толщиною въ палецъ. Въ иныхъ мѣстахъ поверхность Верды одѣта широкими зелеными листьями, между которыхъ роскошно покоятся желтыя и бѣлыя водяныя розы.

Къ правому берегу Верды примыкаютъ довольно обширныя болота, гдѣ, съ ранняго лѣта до поздней осени, можно встрѣтить множество разныхъ птицъ: дикія куры, утки, кулики всѣхъ породъ, галгары, чибеза—все это здѣсь обыкновенно и снодручно для охотника. Ему будетъ предстоять одинъ только трудъ: чаще заряжать свое ружье и посылать убійственныя выстрѣлы въ крылатыя жертвы. Но мы упомянули только объ обыкновенной дичи,

умолчавъ о дупеляхъ и бекасахъ. Случалось, что охотникъ, проползавъ на вердовскихъ болотахъ не болѣе двухъ зорь, возвращался домой съ сорока парами этой послѣдней дичи. Въ близъ лежащихъ къ Вердѣ лѣсахъ попадаются куропатки и вальшнены, но ихъ не такъ много, ибо лѣса эти рѣдки и не велики.

Вершина Дмитріевской горы имѣетъ песчаный грунтъ, съ примѣсью глины; отчего вся растительность, какую только можно на ней встрѣтить, вяла, блѣдна, безжизненна. Одна только сосна, исполинскаго роста, сохранила красоту свою, не смотря на то, что вершина этого гиганта поражена громовымъ ударомъ. На этой — то самой горѣ, господствующей надъ всею скопинскою территоріей, расположенъ заштатный ряжскій Дмитріевъ монастырь. Происхожденіе его относится къ княженію Дмитрія Ивановича. Иноки этого монастыря, пользуясь народнымъ преданіемъ, рассказываютъ, что на Дмитріевской горѣ жилъ нѣкогда дряхлый пустынникъ, имѣвшій свою модельню. Подвижническая жизнь труженника привлекала къ нему множество богомольцевъ, въ числѣ коихъ посѣтилъ отшельника послушникъ преподобнаго Сергія, Александръ Пересвѣтъ. Въ долгой бесѣдѣ между собою, они полюбили другъ друга, и Пересвѣтъ, расставаясь съ пустынникомъ, подарилъ ему свой костыль, который, какъ историческая рѣдкость, хранится до сихъ поръ въ соборномъ храмѣ св: Дмитрія. Костыль этотъ сдѣланъ изъ яблони четырехъ, или пяти-лѣтней поросли, и имѣетъ въ длину два аршина съ четвертью, въ окружности, у верха, четыре съ четвертью, а въ концѣ

три съ половиною вершка. Вѣсу въ немъ семь фунтовъ. Прѣжде длина его была на полъ—аршина болѣе; но такъ какъ сдѣланный для него футляръ оказался на эту мѣру короче, то костыль и былъ отпиленъ, и въ такомъ видѣ показывается теперь богомольцамъ.

Преданіе о zaloженіи Димитріевскаго монастыря заключается въ слѣдующемъ: послѣ разгрома Мамаевыхъ полчищъ на Куликовомъ полѣ, Димитрій Ивановичъ проходилъ съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ черезъ рязанскія земли и имѣлъ отдыхъ на берегахъ Верды, у той самой горы, на которой спасался пустынникъ. Здѣсь Великій князь встрѣченъ былъ знаменитыми боярами рязанскими, какъ побѣдитель общаго врага ихъ—Мамая, и при этой встрѣчѣ поднесена была Димитрію, по обычаю старины, русская хлѣбъ—соль.

Извѣстно, что князь рязанскій Олегъ былъ врагомъ В. князя Димитрія Ивановича, измѣнилъ ему и вошелъ въ сдѣлку съ Мамаемъ и княземъ литовскимъ; и потому, когда герои куликовской битвы рязанцы встрѣтили восторженными кликами въ честь побѣдителя, Димитрій исполнился необыкновенною радостію, и тутъ же, принеся благодарственное Господу Богу молебствіе за устраненіе междуусобія, приказалъ устроить на мѣстѣ пустыннической моделини церковь деревянную, во имя ангела своего, св. великомученика Димитрія Селунскаго, и „монастырь учредилъ“.

Мы взяли этотъ разсказъ, какъ сказано выше, изъ преданія; ибо историческихъ актовъ

объ этомъ событіи теперь въ монастырѣ нѣтъ; но по близости къ Куликовскому полю и по обще утвердившемуся въ народѣ сказанію, не то-чтобы противорѣчащему съ исторіею, но напротивъ прибавлявшему еще новый лучъ къ вѣнцу славы Дмитрія, годомъ основанія монастыря безошибочно можно опредѣлить не забвенный въ лѣтописяхъ нашихъ 1380 годъ. Основываясь на этомъ, слѣдуетъ сказать, что Дмитріевскій монастырь есть одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей рязанской епархіи, рязскимъ же онъ именуется потому, что до уничтоженія намѣстничествъ, приписанъ былъ къ пехлецкому стану рязскаго уѣзда, а когда организовалась рязанская губернія изъ 12 уѣздовъ, монастырь этотъ поступилъ въ районъ скопинскаго уѣзда.

Въ выписяхъ съ книги Рязскаго уѣзда за 137, 138 и 139, (т. е., 1627, 1628 и 1629 годовъ) письма, и мѣры, и межеванія Григорія Кирѣевского, объ этомъ монастырѣ сказано такъ: „монастырь Дмитрія Селунскаго на рѣкѣ Вердѣ, а въ немъ церковь во имя Дмитрія Селунскаго, древяна, съ крыльцами и папертью, а въ церкви Божія милосердія: образъ мѣстный Дмитрія Селунскаго, да образъ пресвятой Богородицы запрестольный, двери церкви все въ прозеленѣ, крестъ воздвижной древяной, сосуды церковныя древяныя, ризы полотняныя, оплечье бархатное, да книгъ: евангеліе на престолѣ печатное, евангелисты мѣдныя, два октая, апостоль, минея, служебникъ, тріодъ цвѣтная, всѣ печатныя; тріодъ постная, псалтирь съ слѣдованіемъ писем-

ныя, да предъ церковію колокольница, а на ней два колокола пуда въ два. Да на монастырѣ жъ въ келіяхъ игуменъ Ефимій, старецъ Афонасій, да старецъ Митрофанъ, да въ кельѣ пономарь Федька Семеновъ, да на монастырѣ жъ св. ворота, а на нихъ де—исусъ, округъ монастыря замѣтъ, около его по мѣрѣ вдоль 26 саж., а поперекъ 25 саж., да подъ монастыремъ слободка, (Пичина) да деревни Ермоловская и въ нихъ 39 дворовъ крестьянскихъ, да 19 дворовъ бобольихъ, земли при нихъ: пашни пахатной, и перелогу, и дикаго поля 171 четверть съ третникомъ въ поле, а въ дву потомужъ, а сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ, полтретьи и полчети сохи, да не дошло всошнаго письма 4 четвер. безъ третника, а живущимъ того монастыря крестьянамъ и бобылямъ въ сошное письмо платить съ семи чети пашни, сѣна межъ полъ, и по заполью, и по дикому полю, и по дубровамъ въ ихъ межахъ 300 копенъ; а въ лѣсѣ въѣзжать въ рановской, а не заповѣднѣй, и въ верденской съ козаки и помѣщики вообще“.

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе границъ, въ которыхъ заключалось принадлежащая монастырю земля. Границы эти показаны такъ: „а межа той ихъ землѣ селу Пичину, да деревни Ермоловской, слободы Бараковой, Козацкой слободы отъ помѣщиковъ отъ Федора Голицына, да отъ Василія Федюкина, да отъ Макара Федюкина, да отъ Артемья, да отъ воина Ворокиныхъ, отъ рѣчки Верды въ рѣчки Пѣрки, да въ верхъ по рѣчки Перки въ вязу, а на немъ грани, подле его яма, а отъ то-

го столба съ гранами, вверхъ по рѣчки Перки къ ольхѣ, а на ольхѣ двѣ грани, а отъ тое ольхи на березовый бояракъ, а на бояракѣ столбъ, а на немъ грани, а отъ того столба вверхъ по березовому бояраку къ дубу, а на немъ грани, а отъ того дуба по тому жъ бояраку вверхъ къ дубу, а на немъ грани двѣ старыхъ, да новые грани двѣ, а отъ дубу къ лѣсу и потѣмъ гранямъ, и по урочищамъ отъ рѣки Верды по праву—пашня и дикое поле Дмитріева монастыря земля, а по лѣву, по тѣмъ же гранямъ и по урочищамъ—слободы Бораковой помѣщички, да слободы Воскресенской, побѣдная тожъ помѣстная земля“. Что Дмитріевъ монастырь возникъ въ періодъ татарскаго ига, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая выпись:

„Лѣта 7186 (1678) Декабря въ 18 день по государеву цареву великаго князя Федора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца указу, окольнічій Иванъ большой Севостьяновичъ Хитрово и дѣяки Андреянъ Яковлевъ, да Филиппъ Артемьевъ, да Иванъ Лобковъ, дали выпись (сію) изъ ряска Дмитріева монастыря строителю старцу Іосифу съ суднаго вершенаго дѣла, присланнаго изъ Ряска въ 184 году, что искалъ Рязанецъ Федоръ Голицынъ, ряскаго уѣзда Дмитріевскаго монастыря вотчины, села Чекина, да деревни Брестовой на крестьянахъ на Федькѣ Наумовѣ, да на Иванѣ Насоновѣ, да на Родькѣ Мамоновѣ съ товарищи по челобитной. А въ челобитной его написано: въ прошломъ де въ 142 году, дано ему Федору помѣстье въ ряскомъ уѣздѣ, въ пехлекомъ

стану, Шилина поляна 11 четвертей на рѣкѣ Вердѣ; а, въ прошломъ де во 184 году Октября въ 24 день, того монастыря крестьяне Федька Наумовъ съ товарищи, съ того его помѣстья, Шилиной поляны, свезли насильствомъ къ себѣ по дворамъ и на монастырь къ строителю, у него Федора и крестьянъ его 1083 копны сѣна и черезъ живой рубежъ рѣку Верду, на тое его Шилину поляну, мостъ на мостилъ и дорогу прочистилъ и тѣмъ его Федора и людей его тѣ монастырскіе крестьяне разорили и отъ того ихъ разоренія и насильства, у него Федора кони служивыя, и у крестьянъ лошади пахотныя, и коровы, и всякая мѣлкая скотина помирають съ голоду, а цѣна де тому его сѣну 32 рубли съ полтиной“. На эту челобитную строитель Димитріевскаго монастыря, старецъ Нифонтъ, вмѣсто тѣхъ крестьянъ отвѣчалъ, что монастырскіе крестьяне Федька Наумовъ съ товарищи съ Шилиной поляны сѣно дѣйствительно возили, но поляна эта изстари принадлежитъ монастырю.

Истецъ Голицынъ объяснилъ противное, показавъ, что „Шилина поляна дана ему блаженныя памяти при великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Федоровичѣ въ 142 году, а земля прилегла къ рѣкѣ Вердѣ, а луга пошли въ верхъ до рѣки Передѣльца и за рѣчку Передѣлецъ до рѣчки Городенки, а усадьбы и гуменники подлѣ рѣки Ревяки подъ большимъ верденскимъ лѣсомъ“. И потому онъ, Голицынъ, просилъ отвѣтника доказать: въ тѣхъ ли самыхъ урочищахъ находится Шилина поляна? На это строитель Нифонтъ объяс-

вилъ, что спорная поляна расположена противъ монастырскихъ полей и деревни Ермоловой, также противъ засѣчныхъ рубежей, прилегая къ рубежу бараковской слободы, и что этою поляной владѣли монастырскіе крестьяне и жили на ней вмѣстѣ съ помѣщиками и казаками, согласно Загряжской Выписи, данной монастырю. Въ писцовыхъ же книгахъ Григорія Кирѣевскаго непоказана за монастыремъ Шилина поляна потому, что на ней жили монастырскіе крестьяне и были у нихъ усадьбы и расчитныя поляны; игумень же былъ въ то время человекъ древній, и сказать было некому. Въ подтвержденіе своего показанія о томъ, что Шилина поляна принадлежитъ монастырю, строитель Нифонтъ представилъ списокъ съ записи ряженина Наума Свиридонова за рукою, 131 года. Въ этой записи сказано: искать было на немъ Наумъ, Дмитріевскаго монастыря игумену Евфимію съ братією того монастыря вотчины, владѣть Шилиной поляной на Москвѣ, въ судебномъ приказѣ, и онъ Наумъ, неходя въ судъ, съ игуменомъ помирился и той Шилиной поляной поступился въ Дмитріевскій монастырь, потому что она искони вѣчная Дмитріева монастыря Селунскаго, и впредь ему Науму, и брату его, и роду, и племени въ ту Шилину поляну не поступаться. Федоръ Голицынъ представилъ списокъ съ выписи Андрея Кривскаго и подъячего Даниила Петрова, учиненной въ 128 году, въ которой сказано: что за Наумомъ Свиридоновымъ ряжскаго уѣзда въ пехлецкомъ стану значится въ пустошѣ Вшилиной днаго поля 15 четвертей въ полѣ, а въ

дву потому-жъ, а Шилиной поляны въ той выписи нѣтъ. Кромѣ того въ списокъ вводной грамоты 134 г. Ноября въ 11 день, блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Федоровича, написано: „въ Рязкѣ, въ книгахъ письма третьяка Вельяминова съ товарищи 105 и по дачѣ 125, и по дозорнымъ книгамъ письма и дозору Андрея Бривскаго, да подьячюго Давила Петрова, 128, за Наумомъ Свиридоновымъ въ жеребью слободы Чудковы пашни, перелогу и дикаго поля 50 четвертей, въ жеребью деревни Мякишевы пашни 22 четверти съ осьминою, и въ пустоши Вишадины поляны дикаго поля 15 четвертей, а Шилины поляны въ той вводной грамотѣ не написано“. Строитель Нифонтъ просилъ сдѣлать о принадлежности поляны монастырю дознаніе черезъ людей, которые живутъ по Вердѣ рѣкѣ, верстѣ по пяти и по шести и больше, „да Скотина города черезъ стрѣльцовъ, посадскихъ людей, волостныхъ крестьянъ и засѣченныхъ сторожей. Велѣдствіе этой просьбы, въ 185 году Января въ 24 день, по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Фялица Артемьева послана Великаго Государя грамота на Скопинъ, къ воеводѣ къ Казымѣ Лопухину, и велѣно ему въ рязской уѣздѣ въ пехлецкой ставѣ послать кого пригоже и про пустошь Шилину поляну сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ“. Въ этомъ обыскѣ большая часть обыскныхъ людей показали: „та де земля изстари монастырская, и владѣль ею Димитріева монастыря игумень Ефимій съ братією и со крестьяны, и отцы де ихъ послѣ писца Григорія Кирѣевскаго по той Шили-

ной полянѣ дворы строили и пашни пахали и сѣна кашивали и послѣ де того съ Шилиной поляны, по указу Великаго Государя, дозорщикъ Иванъ Рогозинъ, отцовъ ихъ и ихъ вывелъ въ село Баракново въ полковые казаки, а до писца Григорія Кирѣевского владѣль тою Шилиной поляной сотникъ Наумъ Свиридоновъ и той Шилиной поляной поступилъся Дмитріева монастыря Селунскаго, игумену Ефимію съ братією“. Къ этому показанію 16 человекъ присовокупили, что въ Шилиной полянѣ пахота деревни Ермоловой крестьянъ, а жили на той полянѣ монастырскію крестьяне деревни Ермоловой и хлѣбъ сѣвали и огороды многихъ ермоловскихъ крестьянъ бывали, и изъ той Шилиной поляны крестьяне сошли на деревню Ермолову, *какъ мнѣ при годѣ воинскихъ людей татаръ*“

Въ 186 году Ноября въ 1 день, по этому дѣлу послѣдовало слѣдующее рѣшеніе: „въ нынѣшнемъ въ 186 году Ноября въ 1 день, по приговору окольного Ивана большаго Севостьяновича Хитрово и по помѣстѣ на судномъ дѣлѣ дьяка Андреяна Яковлева, истецъ Федоръ Голицынъ въ иску обвинить, а отвѣтчикъ Дмитріева монастыря строитель старецъ Нифонтъ въ землѣ по обыскомъ оправленъ, велѣно тою землею къ монастырю владѣть по прежнему и на ~~дѣлѣ~~ приговоръ изъ дѣла подлинно, и по Государю и Цареву и Великаго князя Федора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, и по уложенію, и что въ истцовѣ исковой ~~дѣлѣ~~ *дѣлѣ* ~~дѣлѣ~~ въ выписи откащиковъ значить: *пущены Шилина поляна, одинадцать четвертей, уголья*

до рѣчки Городенки; а въ памяти изъ помѣстнаго приказу написано за нимъ истцомъ Шилина полянка десять четвертей, а не поляна и по обыскамъ, что обыскные люди сказали, Шилину поляну знаютъ, а полянку Шилину на рѣчкѣ Городенки не знаютъ, а иные изъ тѣхъ же обыскныхъ людей сказали, та Шилина поляна изстари монастырская, а недикое поле и непорозжая земля; а иные сказали: на той Шилиной полянѣ жили монастырскіе крестьяне и сошли на монастырскую же деревню Ермолову, *какъ минулъ приходъ сошскихъ людей татаръ*, а однѣ въ рѣчахъ своихъ прибавили Шилиною поляною до писцовъ и при писцахъ владѣли къ Дмитріеву монастырю и владѣль и между указалъ подлинно и по досмотру, что написано на той пустоши прежняя селидба и жили Дмитріева монастыря крестьяне и по чертежу что написано въ немъ, Дмитріеву монастырю къ оправданію и что въ помѣстномъ приказѣ написано за нимъ истцомъ Шилина поляна и изъ дикаго поля десять четвертей, и въ обыску сказали, въ томъ урочище, въ которое истецъ вступался, Шилина поляна, а не полянка, а въ ней пятнадцать четвертей и не дикое поле, распашаная земля, а иные сказали, что прежде того владѣль тою землею Наумъ Свиридоновъ, а въ записи Наума Свиридонова, за рукою написано: не ходя онъ на Москвѣ въ есудномъ приказѣ въ судъ, Дмитріева монастыря съ игуменомъ помирися и что въ помѣстномъ приказѣ отказныхъ книгъ нессысано и обыскные люди сказали: на отказѣ не были, и ему цетцу не только Шилиной поляны и полянки отказу нессыс-

кано, и что откащикова выпись съ памятью изъ помѣстнаго приказу въ четвертяхъ и прозвище разнилось и что по уложенію выписи, которые несходны, вѣрить не велѣно и довелось ему истцу отказать, а владѣть ему истцу пустошью Шилиною полянкою въ дикомъ полѣ, а до пустошѣ Шилиной долины по уложенію и по монастырскимъ крѣпостямъ и до до-смотру и по чертѣжу и по прежнему владѣнію, ему истцу и дѣла, нѣтъ, впредь не вступаться, и свою не называть, а сія выпись въ Дмитріевскій монастырь дана, по чему имъ тою землею впредь владѣть. Уподлинной выписи на оборотѣ написано: дьякъ Иванъ Лобковъ—справилъ Никишко Константиновъ. Къ тѣмъ коніямъ Дмитріева монастыря Селунскаго игумень Семіонъ руку приложилъ,—и подлинныя выписи къ себѣ взялъ; при томъ написано: съ подлинными читалъ Канцеляристъ Никита Сукмановъ“.

Мы выписали этотъ процессъ о Шилиной полянѣ единственно для того, чтобы показать неоспоримую древность Дмитріева монастыря, въ которой, за неизбѣнимъ фактическихъ указаній, многіе сомнѣваются и полагаютъ основаніе его къ болѣе позднему времени. Древность Дмитріева монастыря опредѣляется и тѣмъ, что на Шилиной полянѣ жили монастырскіе крестьяне деревни Ермоловой и со-шли съ ней, какъ минуль пригодъ воинскихъ людей татаръ. Слѣдовательно, Дмитріевъ монастырь существовалъ до сверженія монгольскаго ига, и потому естественно думать, что преданіе о пересвѣтовомъ костылѣ и съ отдыхѣ Дмитріевыхъ войскъ на берегахъ рѣки Верды не заключаетъ въ себѣ праздна-

го вымысла. Мы уже знаемъ изъ выписи съ книгъ рязскаго уѣзда, писема Григорія Кирѣвскаго 137, 138 и 139 годовъ, что церковь во имя Димитрія Селунскаго была деревянная. Въ послѣдствіи она разобрана и на мѣстѣ ея воздвигнута каменная, одностолпная церковь, въ три свѣта. Когда и кѣмъ эта церковь сооружена, неизвѣстно; но судя по наружному ея виду, по ея массивнымъ стѣнамъ и вообще по необыкновенной прочности, построение Димитріевской церкви никакъ не можетъ служить произведеніемъ настоящаго вѣка. Это подтверждается и тѣмъ, что окрестные старожилы не помнятъ сами и не слышали отъ отцовъ своихъ о времени ея основанія. Внутренность церкви украшена позолотой и ликами святыхъ. Въ особенности художнически написанъ образъ Димитрія Селунскаго. Кромя этой церкви, въ монастырѣ находится другая, во имя преподобнаго Сергія чудотворца. Въ указѣ рязанской духовной консисторіи, отъ 3 Ноября 1799 года, писанномъ отъ преосвященнаго Симола, архіепископа Рязанскаго и Шацкаго къ строителю іеромонаху Мелегію, о Сергіевской церкви говорится, что архимандритъ Рязанскаго Спасова монастыря Антоній, въ бытность свою въ Рязскомъ Димитріевѣ монастырѣ, усмотрѣлъ деревянную церковь очень ветхую, и справясь, узналъ, что г. Карѣвъ (Алексѣй Фокичъ) всѣ ветхости этого монастыря, въ томъ числѣ и помянутую церковь, обязался исправить письменно, посему онъ, Антоній, и просилъ Карѣва исполнить свое обѣщаніе; но г. Карѣвъ оговаривался, что онъ безъ данной отъ его преосвященст-

ва грамоты возобновить той церкви не можетъ. Объявъ отъѣвъ доложено было архимандритомъ Антоніемъ преосвященному Симону, которымъ и была положена слѣдующая резолюція, повсѣ показанная церковь деревянная, и мною усмотрѣна, когда и объѣздомъ по епархіи былъ въ Дмитріевѣ монастырь, столь обветшалою и въ землю посѣдшею, что службы въ ней отправлять невозможно, да уже она не нужна: чего ради и положено было ее упразднить и сломать; но г. Карѣевъ упросилъ насъ оставить ее, ибо обѣщался возобновить; но поелику и поныѣ того неучинилъ, то непременно упразднить ее слѣдуетъ. Однако, ежели ему прямо желательно ее возобновить, то о дачѣ на то возобновленіе грамоты долженъ онъ подать формальное прошеніе и то чтобъ учинилъ вѣрно: иначе мы прикажемъ чрезъ три еще недѣли потерпя, оную церковь разрушить и мѣсто заровнять. О чемъ ему Карѣеву и объявить чрезъ строителя того монастыря или чрезъ благомыслиаго указомъ“.

По объявленіи этой резолюціи г. Карѣеву, онъ огласился на возобновленіе церкви и, получивъ на то архіерейскую грамоту, возвелъ ее, вмѣсто деревянной, каменную; но архитектура ея, по всему вѣроятію, осталась прежняя. Видъ этой церкви вѣроятно похожъ на Никольскую церковь въ Рязани, называемую въ престонародіи „долгошей“, основаніе которой, по словамъ Рязанской Іерархіи, Воздвиженскаго, и по „Рязанскимъ достопамятностямъ“ приписываютъ царю Іоанну Грозному.

Въ монастырскихъ церквахъ обращаютъ на се-

би вниманіе слѣдующія книги:

1) Трїодъ постная, на ней по листамъ написано: „сія книга, глаголется трїодъ постная, Дмитріева монастыря Селунскаго, вымѣнена на Москвѣ, лѣта 7197 (1689) Марта въ 1 день; а вымѣнилъ сію книгу тоя же обители Дмитріева монастыря Селунскаго игумень Герасимъ(3) съ братією на монастырскія продажныя хлѣбныя деньги, а дано за ту книгу 3 руб. 20 алтынъ. А кто сію книгу трїодъ изъ монастыря вынесеть, или заложеть, или продасть, игумень или братъ, или крылошанинъ, или инъ какой человекъ, онъ буди, по правиламъ святыхъ отецъ, отъ Бога не помилованъ и алаесму преданъ. А подписалъ сію книгу игумень Герасимъ своею рукою.

2) Церковный уставъ. На немъ написано: „сія книга глаголемая уставъ ряскаго уѣзду Дмитріева монастыря церкви великомученика Дмитрія Селунскаго куплена въ царствующемъ градѣ Москвѣ, на печатномъ дворѣ на церковныя деньги дама четыре рубли десять алтынъ, которые въ томъ монастырѣ были старинныя двѣ книги: евангеліе на престольное, требникъ и тѣ книги проданы и на тѣ деньги оный уставъ купленъ: при игуменѣ Иринархѣ (3) съ братією и приложена въ тотъ же Дмитріевскій монастырь, въ церковь великомученика Дмитрія въ вѣчную бытность. А кто будетъ по мнѣ игуменѣ иные игумены, и имъ означенную книгу уставъ изъ той церкви не выносить и родственникамъ не отдавать, а ежели кто ту книгу взявъ продасть или родственникамъ отдать, и тотъ человекъ будетъ

анаема. Аминь. 1731 года Мая въ 5 день подписалъ игуменъ Принархъ“.

3) Осмогласникъ 1753 года. На первой части по листамъ написано: „сія книга глаголется октоихъ перваго гласа, ряжскаго уѣзда Дмитриева монастыря, а куплена сія книга дому его преосвященства кафедральнымъ экономомъ и онаго Димитріева монастыря архимандритомъ Монассіемъ, а подписалъ сію книгу по приказу его преподобія города Скопина церкви входа Господня во Іерусалимъ иерей Илья Алексѣевъ 1754 года Марта 1 дня.

4) Минейя за Октябрь мѣсяць, на ней написано: „года . . . (цифры года, мѣсяць и число затерты) сія книга ряжскаго уѣзду Димитрія Селунскаго. И кто сію книгу минею изъ церкви Божіей украдитъ, и ему за то будетъ судія Богъ, здѣ временнѣ и въ день страшнаго суда, и воздастъ комуждо по дѣломъ его, якоже хоцетъ по своему изволенію. Тогожь монастыря игуменъ Адріанъ своею рукою“.

5) Минейя мѣсячная, печатная, 1697 года. На ней написано: „1742 года Августа 20 дня, сія книга глаголется мѣсяць Іануарій, ряжскаго уѣзда Димитріева монастыря церковная, а подписалъ сію книгу тогожь монастыря игуменъ Адріанъ своею рукою“.

Изъ этой надписи можно заключать, что минейя за Октябрь мѣсяць должна относиться къ 1691 году.

6) Минейя печатная, 1782 года. На ней написано: „1783 года мѣсяца Ноембрія въ 1 день. Ряжскаго Димитріева монастыря. Книга сія куплена на деньги, данныя изъ Радовицкаго монастыря; купилъ и подписалъ строитель іеромонахъ Іпатій“.

Объ особенно достохвальныхъ по подвижнической жизни настоятеляхъ Димитріева монастыря и другихъ изъ числа братій лицахъ, за неимѣніемъ древнихъ лѣтописей, ни какихъ достовѣрныхъ свѣдѣній извлечь невозможно.

Чудотворныхъ иконъ въ настоящее время и явленныхъ нѣтъ; изъ замѣчательныхъ же по своей древности, въ иконостасѣ соборнаго храма св. Димитрія имѣется, въ нижнемъ поясѣ, мѣстная икона Божіей матери, называемая Тихвинскою, которая писана, какъ свидѣтельствуется хорошо уцѣлѣвшая надпись на ней, въ 1760 г., въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Живопись ея сохранилась во всей первобытной красотѣ своей. Божія мать изображена во весь ростъ; на лицѣ ея сіяетъ безпредѣльная кротость, въ глазахъ затаена могучая любовь къ Всемогущему Богу. Въ этомъ же храмѣ сберегается, кромѣ Пересвѣтова костыля, другой посохъ. Форма его показываетъ, что онъ принадлежалъ архимандритамъ, управлявшимъ Димитріевскимъ монастыремъ. Въ Сергіевской церкви замѣчательна икона преподобнаго Сергія. Онъ представленъ стоящимъ на колѣнахъ передъ явленіемъ Богоматери. Видя въ этомъ посѣщеніи залогъ будущаго своего блаженства, св. старецъ простеръ къ благодатной Маріи исхудалыя въ подвижническихъ трудахъ руки, и весь исполненъ неземной радости. На правой сторонѣ этой же церкви, представлено другое свѣтило христіанскаго міра это: Димитрій Ростовскій, писанный на полотнѣ художественною кистью. Онъ изображенъ въ архіерейской мантии и въ бѣломъ

клубокѣ; панатія украшаетъ грудь его. Въ лицѣ и въ глазахъ святителя видны глубокой умъ и прозорливость. Изъ замѣчательныхъ по своей древности колоколовъ обращаютъ на себя вниманіе только два позвонныхъ; на нихъ, безъ особеннаго труда, можно прочесть слѣдующія надписи—на первомъ: „192 г. (1634) Марта въ 1 день, приложенъ сей колоколь ряжскаго уѣзду въ Дмитріевъ монастырь при строителѣ старцѣ Варлаамѣ, вѣсомъ въ два пуда“, на второмъ: лѣта 7201, Марта въ 15 день ряжскаго уѣзду Дмитріева монастыря игумень Герасимъ съ братією выдмилъ сей колоколь въ три пуда 30 фун. на монастырскія казенныя деньги“. На третьемъ колоколѣ, не извѣстно когда и кѣмъ, высѣчены буквы Е. Z.

Монастырь окруженъ каменною старою оградой, въ углахъ которой, вмѣсто башенъ, выстроены братскія кельи. Въ оградѣ трое воротъ; изъ нихъ одинъ, обращенныя на западъ, называются святыми; надъ этими воротами воздвигнута колокольная въ три яруса; на ней колоколовъ семь, отъ двухъ до 30 пудовъ. Внутри монастырской ограды, противъ братскихъ келій, разведены трудами иноковъ небольшіе садики, огороженные бѣлострадою; въ нихъ растутъ яблони, груши, крижовникъ, смородина и малина.

Изъ поименованныхъ выше монастырскихъ бумагъ видно, что до учрежденія духовныхъ штатовъ, т. е. до 1764 г., настоятельство въ монастырѣ было: въ 1623 году—игуменское, въ 1754 г.—архимандрическое, а съ 1764 г. строительское.

Были ли погребены въ монастырѣ лица, про-

славившія себя подвигами благочестивой иноческой жизни, неизвѣстно, потому что лѣтописныхъ сказаній о томъ нѣтъ; на монастырскомъ кладбищѣ находятся мраморные памятники: Г.г. Лихаревыхъ и Александровой.

При монастырѣ, близъ въѣзжихъ воротъ (восточныхъ) выстроена гостиница для богомольцевъ въ ней двѣ комнаты и то неслишкомъ большія.

Земли въ настоящее время при Димитріевомъ монастырѣ состоятъ по штатному положенію 30 десятъ въ Данковскомъ уѣздѣ. Земля эта пожалована монастырю въ 1800 году Императоромъ Павломъ I; почва ея глиниста и оттого годовой доходъ ея не превышаетъ 40 руб. Кроме того въ 1798 г., по Высочайшему повелѣнію того же Императора Павла, въ монастырское владѣніе дана водяная мельница, состоящая михайловскаго уѣзда внутри дачи села Плахина. Она снимается въ аренду, съ платою 120 руб. въ годъ. Луговъ при монастырѣ нѣтъ, рыбныхъ ловлей тоже; а въ замѣнъ ихъ, по ходатайству рязанскаго епархіальнаго начальства, въ царствованіе въ Возѣ почивающаго Императора Александра I, выдѣлено, въ 1812 году, изъ рановской засѣки, близъ села Петрова неудобной земли 50 десятинъ; на всю землю и мельницу хранятся въ монастырскомъ архивѣ подлинныя указы.

КОНЕЦЪ.